

Глава 8: Возвращение в Цзиньлин — Наслаждение оживленными ночными видами, Посещение таверны — Неожиданная встреча со старым недругом

—

Дождь уже прекратился, но тяжелые свинцовые тучи по-прежнему не рассеялись. Уже близился конец часа Чэнь (7:00 – 9:00), а небо оставалось серым, словно на рассвете.

Линь Лан поднялся с постели под оглушительный храп Тан Юйшу.

Вернувшись в восточный флигель, он увидел, что одеяло, повешенное на стуле прошлой ночью, ничуть не просохло. Напротив, пропитавшая его дождевая влага распространилась еще равномернее, и оно стало тяжелым, словно неподъемная ноша.

Знатный молодой господин, никогда прежде не знавший таких лишений, на месте сделал десяток кругов, совершенно не зная, как справиться с этим беспорядком. В конце концов, он махнул на все рукой, просто взял со стола бумагу и кисть и собрался вернуться в западный флигель.

Но на полпути через двор его шаги замерли.

Линь Лан развернулся и снова пошел к восточному флигелю, тщательно измеряя шаги от центра двора. Повторив это несколько раз, он тихо записал: «От востока до запада — примерно пять чжанов». Тем же методом измерил расстояние с севера на юг — семь чжанов.

Закончив измерения, он надолго задумался на месте, смутно чувствуя, что что-то здесь не так.

Тан Юйшу проснулся только в час Сы (9:00 – 11:00).

Потирая голову, распухшую от вчерашнего похмелья, он сел на кровати и увидел на полу у постели разложенную бумагу. Присмотревшись, он заметил склонившегося над ней человека, который что-то сосредоточенно чертил на ней — горизонтальные и вертикальные линии, а посередине несколько кругов.

— Линь Лан? — окликнул Тан Юйшу.

— Мм... — последовал ответ, но пишущая рука ни на миг не остановилась, голова не поднялась, лишь ярко-красный помпончик слегка качнулся. Все его внимание, очевидно, было приковано к бумаге.

Тан Юйшу ткнул пальцем в этот помпон:

— Что ты делаешь?

— А? Ты проснулся... — только тогда Линь Лан оторвал кисть от бумаги и осторожно поднял лист. — Это предварительный план нашего хого-ресторана! Давай, посмотри...

— Я неграмотный, не пойму, — сказал Тан Юйшу.

— Тогда я тебе прочту: столов из красного сандалового дерева и наньму — двенадцать; стульев — сорок восемь; медных жаровен — двенадцать; медных котлов для хого — двенадцать; фарфоровых пиал из Цзиндэчжэня — двести сорок штук...

— Что это всё такое?

— Список того, что нужно для открытия ресторана хого! — брови Линь Лана взлетели высоко, словно он жаловался: «Как можно задавать такие глупые вопросы?»

Тан Юйшу же очнулся ото сна:

— Мы правда будем открывать?..

— Тц! А то как же? — нетерпеливо подгонял его Линь Лан. — Живее, приведи себя в порядок. Я только что заказал на заставе повозку на полдень. От Чэньтаня до Цзиньлина ехать примерно три с лишним часа, нужно успеть доехать сегодня к вечеру.

— Зачем в Цзиньлин? — сонные глаза Тан Юйшу вдруг загорелись.

— Закупить вещи из списка. Заодно... свожу тебя погулять в Цзиньлине!

Тан Юйшу мигом выскочил из-под одеяла.

Всю дорогу Линь Лан говорил о планах по открытию ресторана хого — с таким видом и выражением лица, словно полководец, разрабатывающий стратегию в штабе. Он говорил без умолку, размахивая руками, с сияющими глазами, будто ресторан уже успешно открылся.

Большинство коммерческих терминов Тан Юйшу понимал лишь смутно, но молча слушал.

По какой-то причине Тан Юйшу снова вспомнил Циньян.

Выражение лица Циньян, когда она раньше упоминала Цзяннань, было точно таким же, как у этого безостановочно болтающего Линь Лана.

По натуре Тан Юйшу был человеком спокойным и неторопливым, и к тому, где жить, он не привередничал — лишь бы была работа, можно было заработать на пропитание и спокойно прожить жизнь, этого было достаточно.

Несколько лет назад в Шу вспыхнула война, и лишившиеся домов беженцы толпами устремились прочь. Но Циньян тяжело заболела и не вынесла бы скитаний и лишений.

Тогда, прикованная к постели, она часто рассказывала Тан Юйшу о своих товарищах по играм, с которыми пришлось расстаться: «Эръя с семьей поехала на восток вдоль реки Тоцзян, к родственникам в Юйчжоу...», «Семья Дахуана ушла на север, в Ханьчжун. Дахуан говорил, что в Ханьчжуне вкусные жоуцзямо*...»

[*Жоуцзямо (肉夹馍, Rou Jiá Mó) — это традиционное китайское блюдо, которое часто называют «китайским гамбургером». Оно представляет собой хрустящую снаружи, но мягкую внутри лепешку (мо), начиненную тушеным в ароматных специях мясом (чаще всего свининой или говядиной). Это сытное блюдо родом из провинции Шэньси и является популярной уличной едой.]

— А куда хочет Циньян? Когда Циньян поправится, брат отведет тебя.

— Правда?

— Конечно, правда.

— Тогда поедем... в Цзяннань! Я слышала, там очень красиво!

Если бы ее спросили, чем же красив Цзяннань, маленькая Цинъян, конечно, не смогла бы толком объяснить. Разве может ребенок такое понимать? Просто она наслушалась обрывков разговоров, соединила их вместе, создала в воображении место, куда можно поместить свои мечты, и питала эту фантазию.

Тан Юйшу отлично это понимал, но ради мечты Цинъян он разработал реальный план: «Брат сейчас убил множество врагов, совершил много подвигов, даже генерал постоянно хвалит меня! Когда война закончится, я попрошу генерала устроить меня в Цзяннане».

Цинъян безостановочно кивала, в глазах ее сверкали искорки:

— Угу, угу!

— Ты слышал? — Линь Лан, нахмурившись и сверкнув глазами, дернул Тан Юйшу за ухо. — Я с тобой разговариваю!

Вернувшись в реальность, Тан Юйшу стал молить о пощаде:

— Больно-больно! Что ты только что сказал?

— Как насчет названия «Тронуть алые губы»* для нашего ресторана хого?

[*«Дианьцзянчунь» (□□□, Diǎn jiàng chún) — название песенной поэтической формы цыпай, дословно «Тронуть алые губы».]

— Я неуч, решай сам, как лучше, — Тан Юйшу лишь кивал, соглашаясь с Линь Ланом.

— «Тронуть алые губы» — это название цыпая, первоначально означающее, как девушка наносит киноварную помаду, чтобы подчеркнуть губы, — чем больше думал Линь Лан, тем больше радовался, глаза его сияли. — Я расширил значение, сравнив с тем, как у человека после хого губы становятся алыми от остроты! А еще это скрыто намекает на долгое послевкусие нашего хого — скажи, разве не гениально?

Тан Юйшу изо всех сил старался поддержать восторг Линь Лана и продолжал кивать:

— Гениально! — Но легкая тень недоумения, которую он не смог скрыть на лице, все же огорчила Линь Лана.

— Эх, ладно, зачем я это грубому мужлану рассказываю? Сам себе настроение испортил...

Ворча, он отвернулся.

В Цзиньлин они прибыли немного позже запланированного, примерно в начале часа Сюй (19:00 - 21:00). Тан Юйшу вместе с Линь Ланом остановился в изысканной гостинице.

Когда слуга повел их в «превосходный номер» и они лишь взглянули на изящную обстановку внутри, Тан Юйшу схватил Линь Лана и потащил прочь.

Тан Юйшу был силен, и Линь Лану пришлось долго вырываться, чтобы освободить свою руку:

— Что такое, что такое? Разве комната плохая?

— Не то чтобы плохая, а слишком хорошая! — у Тан Юйшу был тощий кошелек. — Сколько

стоит заночевать в такой комнате?

— Восемь цяней в день, очень дешево!

— Восемь цяней?! — глаза Тан Юйшу стали огромными. — Какой там дешево, совсем наоборот! Не ночуем тут!

— Что за «наоборот», о чем ты?

— Пошли-пошли, найдем другую. Восемь цяней — мне на двадцать дней работы хватит!

— Я не пойду, останусь здесь, — Линь Лан стоял на своем даже крепче Тан Юйшу. — У меня в кошельке мелочи на семь-восемь лян! Да еще вексель на сто лян, завтра разменяем — и будут деньги!

— Даже если деньги есть, нельзя их транжирить!

— Надоел, не причитай! — Линь Лан бросил на Тан Юйшу сердитый взгляд и повернулся к слуге: — Берем эту!

Полежав некоторое время на мягкой кровати и потянувшись, он наконец немного согнал усталость с ног.

Линь Лан почувствовал, как у него в животе заурчало, сел и собрался позвать Тан Юйшу, чтобы вместе пойти поискать еды. Но увидел Тан Юйшу, который стоял там, не зная, вставать ему или садиться, и расхаживал кругами.

— За проживание уже заплатили! — Линь Лан принял вид «дело сделано, ничего не поделаешь». — Живи спокойно!

— Да как тут спокойно?! — на лбу Тан Юйшу залегла глубокая складка, лицо стало каменным. — Здесь каждая вещь такая изящная, а я грубый, неловкий, вдруг сломаю что?

Линь Лан фыркнул. Сначала он хотел посмеяться над Тан Юйшу: мои прежние друзья в Цзиньлине, когда я с ними гулял, только и мечтали, чтобы я тратил деньги; а ты, наоборот, я трачу, а ты за меня переживаешь? Настоящий простофиля...

Но насмешливые слова, пронесшись в голове, не успели слететь с языка, Линь Лан проглотил их.

«Ведь если хорошенько подумать, похоже, что я больше похож на «простофилю»... да?»

Успешно определив свою роль в этой ситуации, Линь Лан снова поднял глаза и посмотрел на Тан Юйшу, который мрачно стоял в углу.

По какой-то необъяснимой причине уголки его губ сами собой поползли вверх.

Тан Юйшу заметил легкую улыбку Линь Лана и продолжал сердито смотреть на него:

— Смейся, смейся надо мной!

Линь Лан покачал головой и поднялся с кровати:

— Пошли, поедем чего-нибудь вкусного!

Услышав о вкусной еде, Тан Юйшу немного разгладил лоб.

— Уже почти полночь... Разве будет что есть?

— Это Цзиньлин, а не Чэньтань, — вернувшись на эту до боли знакомую землю, Линь Лан невольно ощутил себя местным хозяином. — Час Цзы (23:00 - 01:00) — это как раз начало оживленной ночи в Цзиньлине...

Действительно, как и сказал Линь Лан — выйдя из гостиницы, Тан Юйшу увидел сияющие огни этого города, который никогда не спит. Хотя ночь была уже глубока, на улицах и перекрестках по-прежнему было многолюдно, купцы и путешественники сновали туда-сюда, толпа теснилась, задевая плечами.

Они пошли дальше, по обеим сторонам тянулись винные заведения и харчевни, были представлены всевозможные кухни со всей Поднебесной, разноцветные вывески нагромождались друг на друге, почти ослепляя взгляд, и ни одна не повторялась.

— Но только хого нет! — самодовольно заявил Линь Лан. — Значит, мы займем эту нишу!

Тан Юйшу почесал бровь:

— В Сычуани и Чунцине люди живут у воды, сырость сильная, потому они и любят хого... А если привезти его в Цзяннань, правда найдутся любители?

— Не будь таким пессимистом! Когда пища только появляется, на нее влияют климат, окружающая среда и культурные обычаи определенной местности. Но эти влияния — не ограничение, а уникальный колорит, присущий именно этой пище. Вот, например, эта закусовая...

Линь Лан указал пальцем, и их шаги остановились перед заведением с оживленным потоком посетителей. Тан Юйшу поднял глаза на вывеску и увидел на ней, помимо непонятных ему иероглифов, еще какие-то непонятные иностранные письма.

Линь Лан принялся объяснять:

— Эта закусовая в Цзиньлине довольно известна, я тут много раз бывал. Это лапшичная — только в отличие от простой лапши в прозрачном бульоне (янчуньянь), которую продает дядя Ван, они готовят лапшу из Лунъю*. Там высокогорье, сплошные пустыни и гоби, изящные злаки плохо растут, поэтому люди сеют пшеницу, мелют муку и в основном едят мучное — видов мучных изделий много, например, латяоцзы, мяньпянь**... Эта еда, изобретенная из-за особенностей местности и климата, попав в Цзиньлин, все равно пользуется большой любовью.

[*Лунъю — регион к западу от гор Луншань, примерно соответствует востоку пров. Ганьсу.

**Латяоцзы — длинная тянутая лапша; мяньпянь — кусочки теста, похожие на пельмени, но без начинки.]

— ...А, — Тан Юйшу потер нос, на лице его было недоумение.

Линь Лан видел, что тот понял не до конца, и продолжил приводить примеры:

— Среди лунъюской мучной еды есть одна самая удивительная — называется «нан», что-то

вроде сухой запеченной лепешки. Изначально нан изобрели потому, что жители Лунью привыкли к долгим переходам по пустыне, и она была удобной пищей в пути. Если так подумать, ты наверняка решишь, что нан — еда вынужденная, разве может она называться деликатесом? Но по сравнению с цзяннаньскими лепешками, хотя она и лишена упругости, зато обладает особым грубоватым колоритом. Поэтому, как только её завезли в Цзиньлин, она быстро стала местным фирменным блюдом. Я больше всего люблю заказать еще и суп из баранины, разломать в него нан и есть.

Выслушав пространные рассуждения Линь Лана, Тан Юйшу с выражением восхищения на лице сказал:

— Как много ты знаешь!

— Конечно, я ведь ходил по Шелковому пути! — самодовольно сказал Линь Лан, глядя, как у Тан Юйшу от сглотывания движется кадык. — Что... хочешь попробовать?

— Хочу! — Тан Юйшу, чьи мысли раскусили, с застенчивой улыбкой закивал, почесывая затылок.

Линь Лан тоже фыркнул со смехом:

— Нет! Раз уж приехали в Цзиньлин, нужно обязательно попробовать цзиньлинские деликатесы.

И так, покружив Тан Юйшу по улицам, он привел его к одному изящному частному дому.

Снаружи он выглядел как обычное жилище. Но войдя вместе с Линь Ланем через боковую дверь, Тан Юйшу обнаружил внутри совсем другой мир — под карнизами, вдоль галерей были расставлены столики и стулья, почти все места были заняты, люди поднимали бокалы, беззаботно наслаждаясь прекрасным вином и изысканными яствами.

Не обращая внимания на возгласы Тан Юйшу рядом: «Слишком много, это ж сколько стоит!», Линь Лан самостоятельно заказал семь-восемь блюд, отпустил слугу и начал объяснять Тан Юйшу про этот частный ресторанчик:

— Это одно из моих любимых заведений, здесь настоящая цзиньлинская кухня. Хозяин — потомок знатного рода из столицы, но он так полюбил цзиньлинскую кухню, что нанял кучу поваров и открыл цзиньлинский ресторан.

Тан Юйшу, очевидно, интересовало совсем не происхождение заведения, он перешел сразу к сути:

— Сколько стоит?

— Только что заказали еды и вина всего на два ляна.

Тан Юйшу чуть не упал со стула.

— В конце концов, я столько дней в Чэньгане жил в лишениях, всего два ляна за угощение — не пеняй на мою расточительность, — Линь Лан явно был очень уверен в своей бизнес-идее. — К тому же, как откроется наш ресторан хого, разве будут проблемы с деньгами?

На лице Тан Юйшу появилась гримаса:

— Я никогда ресторан не открывал, заработаем или нет — не скажешь.

— Я тоже нет, — Линь Лан, кажется, совершенно не беспокоился об отсутствии опыта у них обоих, отмахнувшись от этого. И спросил Тан Юйшу в ответ: — В чем дело? Ты что, переживаешь... что не справимся?

— ...Мой хого правда такой вкусный?

Видя, что у Тан Юйшу мало энтузиазма по поводу плана открытия ресторана хого, Линь Лан рассердился:

— Правда вкусный! Я сказал вкусный, значит вкусный!

Даже подбодренный, Тан Юйшу не смог воодушевиться, помолчал немного и залепетал:

— Вообще-то... я... я не...

Линь Лан не мог больше слушать его запинки, с трудом сдерживая характер, ответил:

— Ладно, пока не думай об этом! Раз уж я привез тебя погулять, просто наслаждайся, как следует оглядись в большом городе!

Тан Юйшу пробормотал:

— В Чэнду до войны было не хуже, чем у вас в Цзиньлине...

Хотя зима только началась, в комнате заранее приготовленная жаровня пылала жарко, и на спине Тан Юйшу проступила легкая испарина. Расстроенный тем, что молодой господин Линь потратил деньги как воду, Тан Юйшу с кислым лицом закатал рукава до плеч.

Обнажился уродливый шрам.

Почувствовав, что взгляд Линь Лана задержался на этом месте, Тан Юйшу прикрыл его рукой и неловко пробормотал:

— Тут стрела попала, наконечник вырезали ножом.

Пойманный на месте Линь Лан тут же отвел взгляд, но на мгновение не знал, куда теперь смотреть. После долгой паузы он лишь выдал из себя:

— ...Война, наверное, страшная?

— Страшная.

— У мечей и копий нет глаз, как ты решился...

— Чем больше подвигов, тем больше награда... вот и приходилось, стиснув зубы, идти.

— ... — Линь Лан ненадолго замолчал, затем снова поднял голову и, глядя прямо в глаза Тан Юйшу, спросил: — Но разве открыть ресторан так же страшно, как война?

— Это не одно и то же...

Хотя ответ был ожидаем, у Линь Лана не хватило времени сдержать внезапно нахлынувшее

раздражение:

— Разница в том, что Цинъян больше нет?!

Тан Юйшу испугался напора Линь Лана, растерялся и не ответил.

Линь Лан лишь иронически усмехнулся, и его и без того всегда высокомерный взгляд, создававший иллюзию презрения ко всему миру, на мгновение стал еще острее:

— У меня тоже есть человек, которого я не хочу подводить, я тоже знаю боль потери близкого. Но стоит ли из-за этого становиться робким и нерешительным?

— Я не хочу об этом говорить... — Тан Юйшу опустил голову, избегая взгляда Линь Лана.

— Придется когда-нибудь столкнуться, жизнь толкает нас вперед! Все, что осталось в прошлом, уже стало частью прошлого и никогда не вернется! Если у Цинъян есть душа на небесах и она узнает, что стала камнем, о который спотыкается ее брат и не может идти дальше, как ты думаешь, что она почувствует?

— ... — Слова Линь Лана были остры, как нож. Тан Юйшу, который легко справлялся с блеском клинков, никак не ожидал, что окажется беспомощен перед несколькими вопросами юноши, не способного и курицу зарезать.

Тан Юйшу опустил голову, глаза его скрылись в тени надбровных дуг, так что Линь Лан не мог разобратить, что тот сейчас чувствует.

Спустя мгновение, осознав, что, возможно, снова затронул запретную черту Тан Юйшу, он увидел, как тот молча поднялся и, бросив его, вышел.

Хотя реакция тоже была ожидаема, у Линь Лана опять не хватило времени подготовиться к тому, чтобы извиниться.

Шаги Тан Юйшу затихли вдали, наконец слившись с внешним смехом, шумом, звоном чарок.

— ...Это я один возомнил, — Линь Лан вздохнул и потер виски. — В его жизни изначально не было планов открывать ресторан и зарабатывать деньги — у каждого свои желания, а я навязываю ему свою волю... ничем не лучше моего отца.

Желание есть, пить и веселиться тоже бесследно исчезло.

Но, подумав, что раз уж деньги заплачены, можно немного задержаться... Сейчас, если пойти следом, только вызовешь недовольство Тан Юйшу.

Он глубоко вздохнул, но тяжесть в груди ничуть не уменьшилась:

— Этот мой скверный характер... когда же я его исправлю...

Снаружи, неизвестно из-за чего, раздалось несколько резких женских голосов, поднялась суматоха, все зашумели. Раздраженный Линь Лан уже собрался встать, чтобы закрыть дверь в комнату, как подали первое блюдо.

Линь Лан бросил невзначай:

— Что там за шум?

— Кажется, двое посетителей поссорились, — слуга почтительно улыбнулся. — Но их уже успокаивают, прошу вас потерпеть, молодой господин.

Это была просто случайная жалоба, Линь Лан не испытывал праздного любопытства разбираться в подробностях ссоры. Но он смутно расслышал, как слуга пробормотал:

— Из всех людей надо же было на старшую госпожу Хуа нарваться.

— ?! — Линь Лан изумился. — На какую старшую госпожу Хуа... то есть, старшую дочь Хуа?

— Какая еще старшая госпожа Хуа может быть в Цзиньлине? — увидев, что гость проявил интерес, слуга оживился и начал рассказывать: — Сегодня старшая дочь Хуа заказала отдельную комнату — прямо внизу — и устроила с кучей дочерей чиновников и знати какой-то «Праздник цветов». Какие цветы посреди зимы? Просто повод пошуметь и повеселиться — а только что какой-то невесть откуда взявшийся вдруг ворвался к ним в комнату и поссорился...

За окном в этот момент раздался крик, Линь Лан тут же подошел к окну и украдкой взглянул в щель.

Сначала знакомый силуэт — старшая дочь семейства Хуа, Хуа Лянсюй.

С изящной и спокойной улыбкой на лице, она стояла в эпицентре событий. А за нее, без умолку нападавая на оппонента, вступались стоявшие рядом прочие знатные барышни. Среди них было несколько знакомых лиц.

Линь Лану стало любопытно, кто же это такой, что посмел поссориться с всеведущей и искусной старшей госпожой Хуа? Он приоткрыл окно пошире.

И увидел еще один знакомый силуэт, стоявший напротив этих девушек. От злости его лицо побагровело, но он не знал, как возразить этим острым на язык барышням. Это была скорее не ссора, а ситуация, когда его просто ругали.

— Тан Юйшу?!

Удивление в душе не сдержалось и вырвалось наружу с невольным мощным выдохом из живота.

Когда он опомнился и поспешно зажал рот рукой, было уже поздно.

И множество глаз внизу устремилось на него.

Линь Лан был уверен, что не ошибся — неизменная утонченная улыбка Хуа Лянсюй застыла в тот момент, когда их взгляды встретились.

—